

ПРОБЛЕМА ЯЗЫКА В БЕЛОРУССКОЙ МЫСЛИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI в.

Существенное место в отечественной ренессансно-гуманистической и реформационной мысли второй половины XVI в. занимала проблема языка. В этот период значительно актуализировалась проблема сохранения государственности и национальной культуры белорусского и украинского народов. Подобно Скорине, “богу ко чти и посполитым людем языка руского к наказанью и доброму наученью” в 1562 г. С. Будным, М. Кавецким и Л. Крышковским был издан на старобелорусском языке “Катехисис, то есть наука стародавняя христианская... для простых людей языка руского...” [1, с. 29, 24]. Стремясь пробудить национально-патриотические чувства господствующего класса страны, авторы призывали своих патронов князей Радзивиллов не забывать родной язык, язык предков: “абы ся ваши княжацские милости... здавна славного языка словенского розмиловати и оным ся бавити рачили” [1, с. 25].

Вопрос о сохранении и развитии белорусской культуры и национального языка был поставлен деятелями реформационно-гуманистического движения не случайно. Стремясь к увеличению числа своих сторонников, они использовали живой белорусский язык в религиозной письменности, делали книгу доступной широкому кругу читателей. Кроме того, становление протестантизма проходило в условиях противоборства с католической экспансией, усилившейся после Люблинской унии 1569 г. и сопровождавшейся процессом полонизации шляхты. На основе католической идеологии и польского языка складывается новая общность – “народ шляхетский”, в среде господствующего класса утверждается формула “genere Ruthenus, natione Polonus” [2, с. 178] – “по рождению русин, по народности – поляк”. Примером полонизированного шляхтича является адресат предисловия Л. Карповича к “Казанию на погребение князя... Голицина” (1619): “показалось мне удобнее отдать ее в печать не на русском языке, а на польском как более подходящим Вашей Милости” [1, с. 16]. Политика языковой полонизации-латинизации интенсивно проводилась правительством Речи Посполитой. Могилевская хроника Т. Сурты отмечала, что если в 1577 г. Могилев получил герб «башню одну с надписью по окружности письмом руским “печать места Могилевского”, то новое изображение герба 1661 г. обрамляла надпись “языком латинским» [3, с. 240, 243].

Одним из первых на опасность полонизации правящего класса, грозящей существованию национальной культуры народа, обратил внимание В. Тяпинский. Движимый национально-патриотическими побуж-

дениями, “своей Руси услугоучий” [4, с. 87-88], он осуществил издание нескольких книг Евангелия, снабдив их предисловием, в котором изложил свои просветительско-гуманистические убеждения. Тяпинский был глубоко обеспокоен упадком просвещения на родном языке: “Хто бы не мусил плакати, видечи так великих княжат, таких панов значных, так много деток невинных, мужов з жонами в таком зацном руском, а злаща перед тым давстипном, учоном народе езыка своего славнаго занедбане а просто взгарду”, в результате чего детей приходится отправлять в школы “полские або в иные писма”. Чуждающихся “наук в слове своем” мыслитель призывает вспомнить предков, которые ранее других народов “своим власным езыком от так давнего часу слово боже выложили и мели, и нам zostавили”. Ныне же, по мнению мыслителя, воцарилось “марнотрацтва”, “неумеетность”. Выход из создавшегося положения Тяпинский усматривал в поддержке просвещения, национальной культуры со стороны “зацных панов”, поднятии морального и образовательного уровня духовенства [4, с. 89-90].

Проблема языка и национальной культуры была в значительной мере осложнена конфессиональными противоречиями, которые усилились со второй половины XVI в. Политическая интеграция земель ВКЛ и Короны, активизация контактов с польской культурой привели к расширению влияния на белорусских и украинских землях католической церкви и польского языка. “Позавидели их обычаям, их мове и наукам... у науки Римские свое дети давати почали; которые з науками своими все панство Руское до веры Римское привели, иж потомкове княжат Руских з веры православной на Римскую выкрестилися, и назвиска и имена собе поотменяли, якобы николи не зналися быти потомками благочестивых прародителей своих”, – писал автор “Перестроги” [5, с. 205]. Часть православных деятелей культуры видели выход из создавшейся ситуации на пути культурно-религиозной изоляции, отрицания “латинской” образованности. В одном из произведений Загоровского сборника утверждалось: “Злую приязнь церкви латина давает... Марнотравность летам молодым бывает, кто у латинников наук уживает...” [101, с. 190]. Однако в прогрессивно настроенных кругах белорусско-украинского православного общества стремление сохранить “русский язык”, традиционную религию сочеталось с осознанием необходимости приобщения к передовой западноевропейской культуре. Примером подобной позиции может служить тестамент брацлавского каштеляна Василия Загоровского (1577). Тот завещал обучить своих детей как в “своём языке руском”, так и “латинском”. При этом он требовал, “абы писма своего Руского и мовенья Рускими словы и обычаев цнотливых и покорных Руских не забачали...” [7, с. 37-38].

На сохранение белорусского языка в качестве государственного, его защиту от польской языковой экспансии были направлены соответствующие статьи Статутов ВКЛ 1566 и 1588 гг. [8, с. 73]. В предисловии к Статуту 1588 г. отмечалось, что “не обчым яким языком, але своим власным права списаныя маем” [9, с. 48]. В первой статье его четвертого раздела предписывалось, что “писар земский маеть по-руску литерами и словы рускими все листы, выписы и поэвы писати, а не иншым языком и словы” [9, с. 140].

В полемике между сторонниками католической и православной ориентаций одним из камней преткновения был “словенский” язык, который являлся языком православной литургии и богослужебной литературы. Так, в сочинении “О единстве церкви Божьей” (1577) с резкими заявлениями о культурной, в том числе языковой отсталости белорусов и украинцев, выступил Петр Скарга: “со славянским языком никто ученым быть не может...” [10, с. 485-486]. Стремление доказать, что “русский” народ обладает литературным языком, вполне способным обслуживать нужды науки, ускорило создание первых славянских грамматик. В 1596 г. вышла “Грамматика словенска” Лаврентия Зизания, в 1619 г. – “Грамматика” Мелетия Смотрицкого, в 1627 г. – “Лексикон славеноросский” Памвы Берынды.

Литература

1. Прадмовы і пасляслоўі паслядоўнікаў Францыска Скарыны / уклад., уступ. арт. і камент. У.Г. Кароткага. – Мінск: Навука і тэхніка, 1991. – 309 с.
2. Пашуто, В.Т., Флоря, Б.Н., Хорошкевич, А.Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства / В.Т. Пашуто, Б.Н. Флоря, А.Л. Хорошкевич – М.: Наука, 1982. – 264 с.
3. Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1980. – Т. 35. – 308 с.
4. Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии: избранные произведения XVI – начала XIX в. – Минск: Изд-во Акад. наук БССР, 1962. – 524 с.
5. Перестрога зело потребная на потомные часы православным христианам // Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. – СПб.: Тип. Э. Праца, 1851. – Т. 4. – С. 203-236.
6. З “Загараўскага зборніка” // *Саверчанка* / В. Старажытная поэзія Беларусі: XVI – першая палова XVII ст. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992. – Дадатак. – С. 165-193.
7. *Гарэцкі, М.* Хрыстаматыя беларускае літэратуры. XI век – 1905 год / М. Гарэцкі – Вільня: Выд-ва Б. Клецкіна, 1922. – 264 с.
8. *Мікуліч, Т.М.* Мова і этнічная самасвядомасць / Т.М. Мікуліч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1996.
9. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Давед. Камент. / Беларус. Сав. Энцыкл.; рэдкал.: *І.П. Шамякін* (гал. рэд.) і інш. – Мінск: БелСЭ, 1989. – 573 с.

10. *Скарга, П.* О iednosci kosciola Vozego pod iednym pasterzem. Y o Greckim od tey iednosci odstapieni // Памятники полемической литературы в Западной Руси / П. Скарга. – Пб.: Тип. А.М.Котомина и К^о, 1882. – Кн. 2 (Русская историческая библиотека. Т. 7). – С. 223-526.